

В. А. ПИСКАРЕВ

**Образ яблони
в драме А. Блока
«Роза и крест»**

В последние десятилетия XX века, с появлением ряда работ¹ наметилась новая тенденция в изучении лирической драматургии Блока в целом и драмы «Роза и крест», в частности. Согласно новому подходу, Блок «в драме «Роза и крест» продолжает традицию своей ранней символистской драматургии, доводя проявившуюся уже там мистическую тенденцию до глубины откровения. Его поэтика... достигает здесь предельной органичности, делает зримыми прорывы из временного в вечное, из земного в запредельное, и наоборот, из сверхчувственного — в мир земных дел и страстей»².

Яблоня — не просто часть сценического интерьера. К засыхающему дереву обращен вступительный монолог Бертрана, его ветви, напоминающие крест, виднеются из окна спальни Изоры, по его стволу в окно взбирается Алискан в конце драмы. Этот образ наделен глубочайшим символическим смыслом.

Исследователи обращают внимание на скрытый, «сектантский» или гностический, подтекст драмы, связывая ее содержание с учением альбигойцев, катаров и богомилов, а в русской версии — хлыстов³. Их интересные и важные в смысловом поле драмы наблюдения оставляют место для дополнений.

И. С. Приходько соотносит старую яблоню с Бертраном («...в последней сцене Бертран помогает Алискану взобраться по голому стволу яблони в окно Изоры, подставляя ему свои плечи, и тем самым сливается с деревом»⁴), сопоставляя ее с Мировым Древом, библейским Древом Познания Добра и Зла, а также отмечая ее связь с главной христианской идеей смерти и воскресения, «поскольку дерево ежегодно сбрасывает

старую листву и как бы умирает, но каждую весну возрождается, расцветая новой зеленью»⁵. «Не слу-

чайно лейтмотивом Бертрана становится искривленный ствол засыхающей яблони, сравнение которой с крестом введено в текст (лат. *crux* от индоевропейского корня со значением «искривленный»)»⁶.

Однако следует учесть еще и то, что в XII веке в Европе появилась традиция изображать крест именно в виде дерева в его натуральном виде, с ветвями (ср. со словами Изоры «Видишь старые, черные ветви / В небе дождливом как крест»); в XIII–XIV вв. распятие иногда изображалось в виде «древа жизни», с усвоенными ему иконописными атрибутами; в том и другом случае по сторонам распятого в ветвях помещались пророки со свитками, а в корне дерева — Моисей.

Вероятно, подобные изображения восходят к древним, возникшим в Палестине легендам, в основе которых лежит стремление отождествить орудие крестной смерти Христа с одним из райских деревьев. Старинная богомильская легенда говорит о том, что после насаждения Богом Древа Познания Добра и Зла и изгнания Сатанаила из рая, дерево разрослось на три ствола, из которых центральный — Божий — и послужил материалом для изготовления креста Иисуса. Адам, по легенде, сплел из ветвей этого дерева венец, который пророс через его голову и превратился в огромное дерево (возможно, отсюда — средневековый обычай изображать «адамову голову» в подножии креста). Когда Соломон искал материал для крыши своего храма, некие демоны рассказали ему о дереве Адама, и по его повелению принесли это дерево вместе с адамовой головой царю. Поскольку дерево в храм не помести-

лось, его оставили снаружи, где долгое время оно было предметом поклонения. Голова же Адама стала напоминанием о первородном грехе и символическим объектом покаяния. Из камней, которыми люди закидывали череп, вырос холм — Голгофа. Из Древа же сделали крест.

Подобные легенды о происхождении Креста осуждались официальной церковью как еретические, однако они активно поддерживались русскими сектантами, считавшими их творением «попа Богомила» — легендарного основателя болгарской дуалистической секты богомилов, оказавшей огромное влияние на средневековые еретические секты гностического толка.

Есть основания предположить, что Блок был знаком с богомильскими легендами. В частности, известно, что он читал статью А. Н. Веселовского «Калики переходные и богомильские странники», напечатанную в «Вестнике Европы» в 1872 году⁷. Во время работы над драмой он также обратился к сюжету о строительстве Соломонова храма, что было связано с написанием «русалии» о Китоврасе, к которому его хотел привлечь А. М. Ремизов⁸.

Заслуживает внимания и тот факт, что у этой яблони Бертран умирает. Смертельно раненый, он помогает Алискану взобраться по ее стволу в комнату Изоры, после чего встает у стены с мечом в руках, где и застигает его смерть. В предсмертном прозрении его посещают видения Креста, горящего над вьюгой (ср. со стихотворениями Блока «И опять снега», «Голоса»), и горячей Розы (образ, встречающийся в стихотворениях «Пробивалась певучим потоком...», «Влюбленность» и др.). В момент «прозрения» Бертрана Алиса замечает на его груди черное пятно — вероятно, розу, подаренную рыцарю Гаэтаном, которая, таким образом, становится знаком триумфа для погибающего от раны Бертрана.

То, что происходит с Бертраном в момент смерти, в черновиках драмы Блок обозначает словом «утешение»: «Утешение же Бертрана оказалось в смерти»⁹. Известно, что

«утешение» («consolamentum») — это обряд альбигойцев, который также Блоку был известен. А. Г. Найман пишет: «Единственный обряд [у катаров. — В. П.] — «утешение» — состоящий в возложении рук на голову кающегося, заменял и крещение, и отчасти причащение»¹⁰. Утешение символизировало прижизненное преобразование физического тела в чистый Свет. Во время испытания посвященный должен был осознать единение, брачный союз с Высшим «Я». Праздник «утешения» праздновался катарами в начале мая, сменив народную «календу мая», праздник майского дерева. Смерть Бертрана происходит именно в это время («Ваша светлость! Завтра / Наступит май. У нас во всей округе / Привыкли песнями встречать весну»), и в это же время расцветет засохшая яблоня.

Таким образом, яблоня становится в драме наглядным образом, демонстрирующим преобразование, когда из уродливой телесной оболочки рождается новая жизнь — весенние листья и цветы. Близость образов яблони и Креста в драме воплощает также идею «сораспатья», воспринятую художниками начала XX века от секты «голгофских христиан»: преобразование через мученическую смерть, и, таким образом, уподобление Христу.

¹ Любимова О. Е. Блок и сектантство: «Песня судьбы», «Роза и крест» // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998; Приходько И. С. Скрытые смыслы драмы А. Блока «Роза и крест» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. №6.

² Приходько И. С. Указ. соч. С. 36.

³ См.: Любимова О. Е. Указ. соч.; Приходько И. С. А. Блок между христианством и гностицизмом // Шахматовский вестник. Материалы науч. конференции, посвященной жизни и творчеству А. А. Блока (15 мая 1997 г.). 1997. №7.

⁴ Приходько И. С. Скрытые смыслы... С. 39.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же.

⁸ См.: Грачева А. М. О невоплощенном драматургическом замысле А. М. Ремизова и А. Блока («Соломон и Китоврас») // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991.

⁹ См. там же.

¹⁰ Найман А. Г. О «Фламенке» — старопровансальском романе // Фламенка. М., 1983. С. 276. Следует, однако, отметить, что помимо «consolamentum», у катаров существовали и некоторые другие обряды, как то: благословение и преломление хлеба («apparelamentum»), покаяние, обет принять consolamentum («convenenza»).